

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՆԱՄԱՍՏԱՐԱՆ

**ՆԱՅԱՍՏԱՆ - ԲՈՒՂԱՐԻԱ.
ԱՆՅՅԱԼԸ, ՆԵՐԿԱՆ ԵՎ ԱՊԱԳԱՆ**

Գիտաժողովի զեկույցների ժողովածու

ԵՐԵՎԱՆ

ԵՊՆ ՆՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ

2009

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦЫ ЖЕ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ТЕКСТЕ

Старославянский язык – это условное название языка древнейших переводов греческих богослужебных книг на славянский язык, которые были осуществлены братьями Константином (Кириллом) и Мефодием во второй пол. IX в. По самому замыслу старославянский язык не был разговорным языком, языком повседневного общения. Он был задуман как письменный наддиалектный нормированный язык, созданный для обслуживания нужд христианской церкви. Вскоре же после создания братьями славянской азбуки старославянский язык стал **общеславянским литературным** языком, т.е. языком, которым в X – XI вв. пользовались все славяне.

Наряду с термином «старославянский язык», в научной литературе используются и другие термины, в частности «древнеболгарский». И действительно, этот язык может называться древнеболгарским, поскольку он возник на основе македонского диалекта древнеболгарского языка и в его лексической, фонетической и грамматической системе отразились лексические, фонетические и грамматические особенности этого диалекта.

Как известно, старославянские тексты не членятся графически на отрезки – предложения, и поэтому для удобства анализа выделяются простые предикативные единства, которые либо функционируют самостоятельно, либо входят в состав более сложных единств. Часто старославянский текст структурно представляет собой ряд “нанизанных” на один (или несколько) союзов и/или частиц предикативных единств – предложений, образующих сложное синтаксическое целое.

Одной из интересных проблем, до сих пор вызывающей множество острых дискуссий, является проблема взаимоотношения союзов и частиц и их отграничения друг от друга, причем как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах.

В индоевропейскую эпоху, по существу, не было различий между союзами и частицами: служебные слова, использовавшиеся как средство соединения предложений (или членов предложе-

ний), вместе с тем употреблялись и для выражения различных модальных и смысловых оттенков. Процесс разграничения союзов и частиц наметился, видимо, уже после разобщения древних индоевропейских диалектов. “Древнеболгарский язык сохранил различные хронологические пласты исторического пути [формирования] союзной системы. Исходные языковые единицы большей части древнеболгарских союзных средств следует искать в индоевропейской языковой общности, но оформление их как союзов завершилось в ходе более позднего языкового развития. Наиболее архаичными являются сочинительные союзы, возникшие от эмоциональных частиц, - *же, и, а*” [Дограмаджиева 1993: 325]. В известной мере старославянский язык отражал преимущественно соединительную или преимущественно выразительную функцию того или иного служебного слова: слова, чаще использовавшиеся в функции союзов, занимали место в начале предложения, слова же, сохранявшие значение частиц, в предложении сохраняли место после первого знаменательного слова.

Представляет также интерес вопрос количественно-типологического изучения частиц, в частности в объеме славянских языков. Ю.Г.Скиба обнаружил 200 и более частиц для современного русского языка и не более 10 партикулярных лексем¹ – для старославянского. Был сделан также специальный подсчет по данным Этимологического словаря славянских служебных слов. Всего было выявлено 2955 партикулярных лексем. Из них только 66 единиц представлены во всех славянских языках. Таким образом, 2889 единиц сложным по наложению континуумом представлены в отдельных славянских языках:

Ст./сл.	218	Польский	293	Сербохорв.	308
Рус.	344	Чеш.	303	Макед.	195
Укр.	244	Словац.	255	Болг.	261
Белор.	207	Словен.	227		

[Цит. по Николаева 1985: 127]

И еще одна закономерность: ряд свидетельств говорит о том, что в старых текстах частиц бывает количественно больше, чем в новых, а в диалектах – больше, чем в литературном языке.

В современном русском языке частица-союз *же* – потенциальный эквивалент союзов, выражающих сопоставительные и сопоставительно-противопоставительные отношения; чаще всего он выступает как семантический аналог союза *а* в его различных значениях. Специфика союза *же*, обусловленная его близостью с частицей, заключается, во-первых, в его акцентирующей функции, во-вторых, – в позиционной специализации: он не может находиться в начале присоединяемой части и непосредственно прикреплен к тому ее компоненту, который поддерживает (выделяет) сопоставление.²

Что касается старославянского языка, то “*же* – самая распространенная³ частица, постоянно использовавшаяся в старославянских переводах для соединения предложений со значением противопоставления и с выделением какого либо члена; в предложении занимала место после первого знаменательного слова” [Хабургаев 1974: 360]. Интересно, что А.Н.Стеценко в своем “Историческом синтаксисе русского языка” рассматривает эту партикулу уже в ином ракурсе, при этом добавляя еще одно значение: “В отличие от сочинительных союзов, союз *же* помещается не между сочиняемыми предложениями, а после первого знаменательного слова второго предложения. Это связано с тем, что союз *же*, выполняя функцию сопоставительного и/или противопоставительного союза, в то же время имеет еще и добавочное значение **усилительной частицы**, которая не может находиться в абсолютном начале предложения. Сохраняя это значение, союз *же* выделяет в смысловом отношении тот член предложения, который вынесен на первое место в присоединяемом предложении” [Стеценко 1972: 188]. Противоположное им обоим мнение высказал чешский лингвист Я.Бауэр, который считает, что старославянское *же* было союзом, а в древнерусском языке оно еще было частицей и потенциальным сочинительным союзом [Цит. по Николаева 1985: 19].

С частицей *же* связана еще одна проблема, в данном случае – в этимологическом плане. Так, Г.А.Хабургаев считает, что *же* точно соответствовала греческой частице *δε* [там же], а болгарский лингвист И.Добрев полагает, что наличие в болгарском языке *же* соотносится с этимологически родственным *-ъ-*; *-о-* (русское *нежели*) – *него, кога, когато...*; а также с конечной частицей *-зи* (по второй палатализации) – *този, тези, онзи*; и, таким обра-

зом, *же*, *-ъ-*, *-зи* восходят к старой частице, родственной греческой *υε* [Добрев 1962: 111-116]. Что касается данных этимологических словарей, то и Преображенский, и Фасмер говорят о трех греч. параллелях: *δε*, *υε* и даже *θε* (“если же”), а Шанский – только о *υε* [Преображенский 1910-1914, I: 223-224], [Фасмер 1967, II, 39], [Шанский 1973, I: 279-280].

Итак, *же* – это сложная партикулярная лексема, частица-союз, с комплексом разнородных текстообразующих и коммуникативных функций. Т.М. Николаева утверждает, что «партикулы с опорой на *ћ* имеют значение определенности, подтверждения «именно, ведь»,⁴ суживающейся идентификации» [там же: 151]. Учитывая, что в семантическом отношении частицы-союзы вступают в различные отношения с тремя типами феноменов – с актантами пропозиции, с событием в целом и с уточнителями события – сирконстантами, мы выделили три базовых функционально-семантических класса употреблений частицы-союза *же*.

I. При нанизывании предложений частицей-союзом *же* осуществляется функция присоединения, тем самым реализуется отношение ко всему событию в целом, но с выделением логически основного актанта. Чаще всего этим актантом является субъект действия, выраженный подлежащим, который с точки зрения актуального членения предложения является темой. Таким образом, этот “менее значимый” – с позиций актуального членения предложения – структурный компонент находит очень продуктивный способ коммуникативного “самовыделения” (заметим, что в современных лингвистических работах то актуальному членению предложения используется термин “контрастная тема”, который как нельзя лучше подходит к данному случаю). В этой своей функции *же* несет еще одну, текстовую нагрузку: эмфатически маркируя предшествующее знаменательное слово, частица создает в масштабе сложного синтаксического целого (ССЦ) партаксическую конструкцию с анафорической связью. Пример: ...
отъвѣщаа же петръ рече ему ꙗко ꙗже ты еси повели ми прийти къ себѣ. ꙗже рече ему прѣдъ.
излѣза же и корнелѣ петръ и дождаше по водѣ и приде к нѣмъ. видѣ же вѣтра лнѣзѣ оубо са и
нача потаплѣти са и възвѣн глѣ ꙗко ꙗже ма. ꙗже прѣгнѣ рѣкѣ атѣ его... (Мф., 14, 28-31) Саввина книга. (“Отвечая же Петр сказал Ему / Петр сказал Ему в ответ: Господи! Если это Ты, повели мне прийти к Тебе [по

воде]. Иисус же сказал ему: Иди! И вылез из лодки Петр и пошел по воде и подошел к Иисусу. Но, видя сильный ветер, испугался и начал тонуть и закричал: Господи! Спаси меня. Иисус же простер руку и схватил его...»)

В наиболее чистом виде значение направленности на все событие в целом проявляется в тех случаях, когда предложение начинается с глагола *быти*: перед нами “классическое” бытийное предложение, с тремя компонентами: локализатором (“областью бытия”), именем “бытующего предмета” и “бытийным глаголом”:

«Сѣ же далече отъ нем стадо свинн много много...» (Мф., 8, 30) Зограф. ев. (“Вдали же от них паслось большое стадо свиней...”); «Сѣ же сынъ его старшн на нѣ...» (Л., 15, 25) Зограф. ев. (“Старший же сын его был на поле...”).

II. Следующая функция, которую реализует частица *же*, – это функция соединения простых предложений в сложное со значением сопоставления и/или противопоставления. В этом случае частица *же* связывает две пропозиции с обязательной идентификацией, с выделением субъекта сопоставленной и/или противопоставленной пропозиции. Примеры:

«...ова нуго падж при пжтн... другга же падж на каменнх... а другга падж в тернн... другга же падж на земн добрѣ...» (Мф., 13, 4-7) Мар. ев. (“...одни упали при дороге..., другие же упали на места каменистые..., а иные упали в тернии..., иные же упали на землю добрую...”); «Сколикю наемникъ оца моего избытокчествуютъ хлебомъ, я же здесь умираю отъ голода!»); «Всѣхъ члвкъ прѣжде доброе вино полагатъ и вгда оупитъ га тогда тлчѣ ты же селнде доброе вино доселѣ...» (Иоанн, 2, 10) Мар. ев. (“Всякий человек сначала хорошее [доброе] вино подает, и когда напьются, тогда худшее; ты же хорошее вино сберег доселе”).

III. И третий случай, когда *же* связывает предложения и выделяет, определяет уточнители события, а также дополнительные пропозиции: «По прикличн же нрн вгда изхождаше пжтѣмъ тѣмъ и видѣвз и мимо ндѣ...» (Л., 10, 31) Ассеман. ев. (“По случаю же один священник шел той дорогой и, увидев его, прошел мимо”). Этот тип широко представлен предложениями, когда первое знаменательное слово является причастием, причем часто в значении дополнительного сказуемого. В этом случае функциональная семантика частицы-

союза *же* осложняется также указанием на определенную коммуникативно-синтаксическую самостоятельность данного причастия. «Н ходоше же обрѣтѣ чка киринѣнка наменемъ симона...» (Мф., 27, 32) Зограф. ев. (“Выходя же, они встретили одного киринеянина, по имени Симона”); «...всѣгда же и на свои скотъ привезе и въ гостиници...» (Л., 10, 34) Ассеман. ев. (“и, посадив его на свою скотину [осла], привез его в гостиницу”).

Отдельный подтип составляют монопредикативные, но дупропозитивные предложения с оборотом «дательный самостоятельный»:

«Поздѣ же бывашн привеса къ нему бѣзны многы...» (Мф., 8, 16) Зограф. ев. (“Когда же настал вечер, привели к Нему многих бесноватых...”); «...иждивашн же ему въ бытъ гадъ крѣпкъ на странѣ тон...» (Л., 15, 14) Осром. ев. (“Когда же он прожил / растратил все, настал великий голод в той стране...”); «...иште же ему далече ежщю оубрѣ и оць его...» (Л., 15, 20) Остром. ев. (“И когда он был еще далеко, увидел его отец...”).

Помимо собственно синтаксических (или семантико-синтаксических) функций, хотелось бы – в качестве рабочей гипотезы – обратить внимание на одну коммуникативно-прагматическую функцию частицы *же*. Мы уже упоминали о семантической связи общеславянской частицы *же* и собственно русской *ведь*. Дело в том, что основная их функция как собственно частиц заключается в формировании некоего дискурсивного, прагматического блока, обозначающего единство, в первую очередь, знаний, а также мнений, представлений говорящего и слушающего, говорящего и социума.⁵ И неважно, существует ли это единство на самом деле, или нет – важно, что данные частицы отсылают к нему, часто навязывают его существование. Информация эта подается как известная говорящему и слушающему, общеизвестная, известная говорящему, но неизвестная слушающему (доведение по сведениям)... Причем если *ведь* как бы намекает на него, то *же* обычно указывает категорично. Таким образом, мы затрагиваем проблему (субъективной) модальности и частную проблему персуазивности – категорию уверенности / неуверенности в достоверности сообщаемой информации. Придерживаясь этого взгляда, можно заметить, что автор текста постоянным введением частицы *же* использовал не только ее синтаксические, текстообразующие воз-

возможности, но и прагматические, подчеркивая с ее помощью истинность сообщаемого, в том числе своей позицией очевидца событий, человека, не просто уверенного в достоверности сообщаемого, но представляющего описываемые события как факт.

Завершая статью, отметим, что при соединении этой частицы с наречиями и местоимениями (особенно отрицательными), союзами и частицами образовывалось большое количество новых СЛОВ: *даже, неже, нежеан, понеже, занеже, оуже, ёкоже, коанжедо, кожедо, никыже, никэтоже, ничьтоже, ничьгоже, нидиньже, еже, ндеже, нжь, дондэже, еанкоже, домальже, тэжде, такожде*.⁶

Например: «...е коанко лѣтъ работамъ твѣѣ и никоанже заповѣди твоя не прѣбѣдѣхъ и мнѣ никоанже не далъ ми козляте...» (Л., 15, 29) Остромир. ев. (“Вот сколько лет я служу тебе и никогда не преступал твоего приказанія / твоей заповеди, но ты ни разу не дал мне и козленка...”), «... и прѣшъдшюму на онъ полъ въ странѣ гергесинскѣ гергесотче и два бѣгна отъ грѣшнхъ нхъ нхѣдашъта лѣта село ёко не можаше никѣтоже минати пѣтьмъ тѣмъ...» (Мф., 8, 28) Зограф. ев. (“И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из своих склепов / пещер, очень свирепые, так что никто не мог пройти тем путем”); «... видѣвъ же пилатъ ёко ничьгоже оупрѣтъ на паче мльва сы- ваетъ...» (Мф., 27, 24) Зограф. ев. (“Увидел же Пилат, что ничто не помогает, но смятение / шум [все] увеличивается”); «... и жмаше нмы- тити са отъ рожца паже фѣдѣхъ свинна и никэтоже даше му...» (Л., 15, 16) Остромир. ев. (“и он хотел насытиться рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему”).

1. Частицы связаны с категориями слов, соотносящихся с ситуацией, с контекстом, с модальностью. Это показатели отношения.
2. См. семантический анализ союза *же* в современном русском языке в [Санников 2008].
3. По свидетельству И.Добрева, только в Зографском евангелии отмечено более 2000 случаев употребления частицы *же*. Интересно, что Грамматика – 80 указывает на особую функцию союза *же* – семантический аналог причинно-аргументирующего союза *ведь*. Сохраняя при этом свою позиционную характеристику, он утрачивает роль слова, выделяющего основу сопоставления: *Как же ты туда поведешь волка, когда там коза! Он же ее съест.* (АГ-80: 626).
4. См.: [Vasilyeva 1972], [Бонно, Кодзасов 1998], [Безяева 2002].
5. Об этом свойстве частицы *же* пишут все исследователи, обращавшиеся к ее изучению. В частности, см.: [Илчев 1993: 356], [Добрев 1962: 112], [Хабургаев 1974: 237].

ЛИТЕРАТУРА

1. АГ-80 – Русская грамматика в двух томах. Т. II. М., 1980.
2. Бонно, Кодзасов 1998 – Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998, 428-435.
3. Безяева 2002 – Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.
4. Добрев 1962 – Добрев И. Към историята на старобългарската морфема *же*. // Известия на Института за български език. Кн. 8. София, 1962, с. 111-116.
5. Дограмаджиева 1993 – Дограмаджиева Е. Съюзи и съюзни думи. // Грамматика на старобългарски език. София, 1993, с. 324-350.
6. Илчев 1993 – Илчев П. Частици. // Грамматика на старобългарски език. София, 1993, с. 356-358.
7. Николаева 1985 – Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.
8. Санников 2008 – Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
9. Стеценко 1972 – Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
10. Хабургаев 1974 – Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974.
11. Vasilyeva 1972 – Vasilyeva A.N. Particles in Colloquial Russian. М., 1972.
12. Преображенский 1910 – 1914, I – Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. Т. I. М., 1910-1914.
13. Фасмер 1967, II – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.
14. Шанский 1973, I – Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н.М. Шанского. Т. I. Вып. 5. М., 1973.
15. Сборник по старославянскому языку. (Составитель Г.Н.Шакарян). Ереван, 1979.
16. Стоянов С., Янакиев М. Старобългарски език. Текстове и речник. София, 1972.